

ТЕДА СКОКПОЛ: ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ В СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

.....

О.С. Грязнова¹

Концепция революционного процесса, изложенная Тедой Скокпол в работе «Государства и социальные революции», соединила в себе представления многих социологов, разрабатывавших данную проблематику. В ней можно обнаружить прямое или косвенное влияние идей целой плеяды исследователей – от А. де Токвиля и К. Маркса до Ч. Тилли и Б. Мура, что позволило расширить методологические горизонты и комплексно подойти к исследуемому объекту. При анализе революции Т. Скокпол, сочетая структуралистский подход с методом исторического сравнения, рассматривает государство как состоящую из отдельных, но взаимосвязанных элементов систему в контексте внешних обстоятельств. Автор указывает на важность для собственных построений теории укорененных в классовом конфликте социальных движений К. Маркса, концепции политического конфликта Ч. Тилли, «общего психологического» подхода Т. Гарра и теории «системно-ценностного консенсуса» Ч. Джонсона [12, р. 9].

Вместе с тем Т. Скокпол, не считая «революционный авангард» единственной движущей силой революционного процесса, выносит за скобки «субъективный фактор». В качестве эмпирического материала для анализа Скокпол отобрала три наиболее показательных, по ее мнению, случая: французскую (1787–1800 гг.), русскую (1917–1930 гг.) и китайскую революции (1911–1960 гг.). Исследуя ключевые для социетальных изменений взаимодействия между государственными, экономическими и социальными структурами, она приходит к выводу о том, что для установления причин революции полезно различать внутренние и внешние противоречия как важнейшие структурные условия революции. Внешние противоречия проявляются в невыгодном положении данного государства на международной арене, давлении иностранных государств

¹ Грязнова Ольга Станиславовна – младший научный сотрудник Института социологии РАН. Электронная почта: og1252084@yandex.ru.

в форме военной, экономической или иной экспансии, а внутренние – в ослаблении системы государственного контроля, во внутреннем расколе элиты и др.

Особое внимание в указанной работе уделяется влиянию международного и всемирно-исторического контекста на внутренние политические конфликты. Проанализировав отношения государственных руководителей и их штата к противникам за рубежом и доминирующему внутри страны классу, Скокпол выделяет способы, которыми революционное правительство строит новую государственную организацию в условиях классового конфликта и контрреволюционной военной угрозы.

Французская, русская и китайская революции рассматриваются ею как аналогичные примеры одного образца социально-революционной трансформации. Эта аналогия вызывает споры, так как французская революция традиционно квалифицируется исследователями как революция буржуазная, а русская и китайская – как революции социалистические. Скокпол доказывает, что французская буржуазия в конце XVIII в. вовсе не была революционной, а революция объясняется тем, что власть Бурбонов вошла в состояние кризиса, причины которого аналогичны тем, которые имели место и в России, и в Китае.

Согласно теории Скокпол, революционный процесс возможен только в аграрно-бюрократических обществах, т. е. в обществах с централизованным бюрократическим аппаратом, который пользуется поддержкой влиятельных лендлордов, функционирующих в условиях аграрной экономики. Во всех трех рассмотренных случаях Скокпол находит три фактора ослабления:

- 1) борьба за ресурсы между центральной бюрократией и лендлордами;
- 2) рост неудовлетворенности крестьян, перерастающей в бунты;
- 3) сокращение из-за межгосударственных проблем ресурсов, обеспечивавших существование бюрократии и лендлордов.

Во всех трех случаях после революции к власти приходило еще более властное, более централизованное и бюрократизированное правительство, пользующееся массовой поддержкой. Во всех трех случаях революция преобразует образ страны в целом, меняет государственное устройство, классовые структуры и доминирующую идеологию: Франция становится страной-завоевателем, Россия – индустриальной и военной супердержавой, Китай – политически независимым государством, ставшим на путь укрепления экономики, Мексика обретает политическую силу и т.д. Специфика удавшихся революций заключается в том, что сопровождающиеся напряженной классовой борьбой фундаментальные изменения в социальной и политической структуре происходят параллельно, дополняют и усиливают друг друга.

Излагая свою теорию, Скокпол начинает с обоснования исследовательской методологии, а затем переходит к детальному рассмотрению причин и исходов революций, поддерживая свои гипотезы эмпирической аргументацией.

Методология исследования

Для описания динамики революционного процесса Скокпол обосновывает применение широко используемого историками и редкого для современной социологии сравнительно-исторического метода. Этот метод, с одной стороны, является исторически фундированным, а с другой – делает возможными теоретические обобщения на основании изучения многих случаев проявления исследуемого объекта. Выбор метода обусловлен необходимостью совершенствовать теоретическую базу и процесс сбора и анализа эмпирических данных при изучении революций.

Теоретически значимые работы по социологии революций Скокпол делит на «общие теории» и исследования конкретных исторических случаев. Характерной чертой первой группы Скокпол называет обобщенную трактовку понятий и гипотез, что позволяет применять их к широкому спектру исторических примеров; для этих работ характерен дедуктивный метод логического вывода. Ко второй группе Скокпол относит работы, в которых подробно анализируется конкретный исторический материал. Сюда она относит «Социальные истоки диктатуры и демократии» Б. Мура [9], «Крестьянские восстания XX века» Э. Вулфа [14] и «Современные революции» Дж. Дана [5]. Свою работу Скокпол причисляет ко второй группе, однако подчеркивает, что ее работу отличает индуктивный анализ и поиск общей логики протекания всех рассматриваемых революций, а не последовательное изучение каждого отдельного случая.

По теоретической направленности Скокпол выделяет четыре группы концепций: марксистские, комплексные психологические теории, теории системно согласованных ценностей и теории политического конфликта.

По мнению Скокпол, наиболее ярко позиция марксистского направления в социологии революции представлена в работах самого Маркса, который трактовал революцию не как обособленный эпизод насилия, а стремился установить каузальные связи. Всякий революционный процесс запускается классовым конфликтом, сбоем в способе производства, проявляющемся в разрыве между производительными силами и производственными отношениями. Революция по завершении порождает новый способ производства, который является производной от разрешения конфликта в пользу той или иной стороны. И именно понимание революции как следствия объективных структурных противоречий видится Скокпол наиболее плодотворным.

Идейные корни других трех направлений Скокпол усматривает в работах Токвиля, Дюркгейма и Вебера. Именно изучение работ этих авторов позволи-

ло социологам революции приступить к теоретической разработке концепций, призванных объяснить истоки политической нестабильности и насилия. В основании разделения этих трех направлений лежит как раз то, что рассматривается исследователями в качестве базового фактора при формировании революционного процесса.

В комплексных психологических теориях революция описывается в терминах психологических мотивов людей на участие в политическом процессе, в актах насилия и присоединение к оппозиции [1]. В теориях системно согласованных ценностей больший акцент ставится на стремление идеологических движений нарушить социальное равновесие [8], а в теории политического конфликта причины революции усматриваются в борьбе правящих структур и других организованных групп за власть [13].

Проанализировав работы, относящиеся ко всем четырем направлениям, Скокпол выделяет три общих для них базовых момента.

1. Изначально изменения в социальных системах порождают социальную дезориентацию и недовольство у населения, появление новых социальных групп со специфическими интересами, а также складывание новых социальных условий, при которых возможна общественная мобилизация.

2. Затем формируются массовые социальные движения, цементируемые идеологией и хорошей организацией. Цель этих движений – свержение правительства или даже всего социального порядка (строя).

3. Революционные движения ведут борьбу с правительством и в случае победы пытаются устанавливать собственное правление [12, р. 14–15].

При построении своей концепции Скокпол учитывала все эвристические моменты, разработанные в рамках этих направлений. Однако более всего в своем исследовании она обращалась к работам, представляющим марксистское направление и теории политического конфликта. В качестве базового противоречия в обществах Скокпол называет классовые отношения, при которых непроизводящие группы осуществляют контроль над произведенным продуктом и присваивают излишки. И одной из задач, во многом основополагающей в данной работе, автор называет изучение взаимодействия между крестьянами и лендлордами и выявление характерных черт такого взаимодействия в трех рассматриваемых странах в их революционный период: во Франции, в России и в Китае. Также Скокпол обращает внимание на причины и развитие классового конфликта во время революций. Однако марксизм не дает ответа на вопрос, как и когда представители разных классов осознают, что способны отстаивать свои интересы. И здесь на помощь приходят концепции политического конфликта, где основанием коллективного действия является групповая сплоченность и доступ к ресурсам. Соответственно в своей работе Скокпол

ставит целью изучить классовую структуру революционных обществ, интересы разных классов, характерные черты их организации и доступа к ресурсам.

Для изучения причин и развития революций Скокпол выделяет три основных принципа анализа, которых должен придерживаться исследователь:

- 1) следовать неволюнтаристическому структуралистскому подходу;
- 2) учитывать международный контекст, характер включенности революционного общества в международную структуру и мировой исторический процесс;
- 3) признавать государство бюрократической и репрессивной организацией, склонной отделяться от социально-экономических интересов и социальных структур.

Метод сравнительного исторического анализа

Подходя к проблеме сравнения отдельных случаев революции, Скокпол столкнулась с методическими разногласиями в американской социологии. На момент исследования доминирующей методической точкой зрения было убеждение, что действительно научно могут быть изучены только те объекты или явления, которых можно отобрать статистически значимое число. Революции к числу подобных объектов исследования явно не относятся. Критике подвергались так называемые «естественные историки» (в том числе Л. Эдвардс [2; 7], К. Бринтон [3] и Дж. Петти [10]) за то, что их исследования опираются на анализ небольшого числа случаев и являются больше историческими. Это мнение было выражено в тезисе Г. Экштейна о том, что теоретическим предметом может выступать набор объектов, о которых можно сделать информативные и проверяемые обобщения, справедливые для всех последующих проявлений исследуемого предмета. Число таких объектов должно быть достаточно велико для того, чтобы иметь возможность методологической верификации при помощи методов статистического анализа [6, р. 8–10]. Многие исследователи стремились уйти от подобной проблемы и расширяли понятие исследуемого предмета: одни включали его в структурно-функциональные категории социальных систем [8], другие относили его к разряду актов политического насилия [1], а третьи – к коллективному действию [13]. В рамках этих подходов исследовались отдельные аспекты революций (относительная депривация, государственный раскол, потеря социальной системой своего равновесия, массовые движения и т.д.), однако они блокировали комплексное изучение данного феномена.

В отличие от упомянутых теорий марксизм представляется Скокпол направлением, наиболее полно объясняющим феномен революции. Однако, по ее мнению, теоретический потенциал марксистских теорий не был в полной мере раскрыт при изучении революционных процессов. Исследователи в большей

степени обращали внимание на классовые конфликты и изменение классовых отношений, оставляя в стороне изучение качественных характеристик государства, его структуры, отношения государственных организаций (особенно армии и административных органов) и классовых структур и т.д.

Революция является предметом исследования не только социальных теоретиков, но и историков. Однако если первые склонны стремиться к научной верификации своих исследований, то последние – к точности в описании исследуемых процессов. Скокпол указывает на методологический разрыв этих подходов, с одной стороны, и на потенциальную взаимовыгодность использования достижений как первых, так и вторых – с другой. Автор предлагает для изучения революций использовать метод, который позволял бы и делать обобщения на примере рассмотрения отдельных исторических случаев, и быть достаточно чувствительным с исторической точки зрения. Скокпол предлагает использовать метод сравнительного исторического анализа, цель которого разработать, проверить и уточнить каузальные и объяснительные гипотезы относительно процессов и структур таких макрообразований, как национальные государства [12, р. 36].

В основании метода сравнительного исторического анализа лежит логика Дж. Ст. Милля. Данный метод применим для построения заключений о макроисторических примерах, обращаясь при этом к рассмотрению небольшого количества событий, имеющих в качестве возможных причин большое число переменных. Наиболее плодотворным Скокпол видит совмещение методов единственного сходства и единственного различия, которые позволяют выдвигать гипотезы о причинах революционного процесса и осуществлять их эмпирическую проверку. В качестве случаев, подвергаемых изучению при помощи метода единственного сходства, Скокпол отобрала успешные революции во Франции, России и Китае. А для валидации своей аргументации она использует метод единственного различия, например, противопоставляет успешную революцию в России в 1917 г. неудачной в 1905 г. для демонстрации значимости в качестве причины такой переменной, как поражения в войне.

Говоря о характерных чертах сравнительного анализа, Скокпол указывает на его отличие от того метода, которым пользовались «естественные историки» (Л. Эдвардс, К. Бринтон, Г. Петти и т.д.). Методические различия связаны прежде всего с целью, на которую ориентированы исследования: если в первом случае особый интерес вызывают причины революции, то во втором – логика протекания революционного процесса. А цель в свою очередь порождает расхождения в теоретическом понимании самого процесса: сторонники метода сравнительного анализа полагают, что его ход от случая к случаю может претерпевать некоторые изменения, в то время как другие представляют его как регулярный цикл, повторяющийся в своих фазах во всех возникающих случаях. И если при проведении исследований в первом случае использовались

индуктивные методы логического вывода, то во втором, по мнению Скокпол, – дедуктивные. Автор указывает на то, что «естественные историки» уделяли недостаточно внимания сравнению отдельных случаев революции, а использовали исторические примеры в качестве иллюстраций для своих теорий.

Скокпол обозначает три основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь, работающий в рамках метода сравнительного исторического анализа.

1. Возникают сложности с поиском случаев, которые были бы друг другу тождественны для процедуры сравнения ввиду уникальности как внутренних, так и внешних контекстов существования различных обществ.

2. Чтобы процедура логического вывода была корректной, события должны быть независимыми друг от друга. Однако в случае с революциями это представляется достаточно проблематичным, так как все они происходят в определенном международном контексте и часто служат катализаторами друг друга.

3. Сравнительный исторический анализ требует привлечения теории, поскольку сам по себе является только средством в исследовательской деятельности. Только теория может предложить объект исследования и выдвинуть гипотезы относительно предмета исследования.

Автор называет метод сравнительного исторического анализа идеальной исследовательской стратегией, позволяющей использовать исторический материал в качестве эмпирической базы для проверки теоретических гипотез и приращения нового знания за счет установления новых каузальных связей между событиями.

Отбор случаев

Для своего исследования Скокпол отобрала три революции, основываясь на тезисе, что для использования метода сравнительного исторического анализа более подходят те, у которых имеются черты, определяющие их базовое сходство. Скокпол выделила два основополагающих признака:

- 1) государственные и классовые структуры в рассматриваемых обществах складывались исторически и не были подвержены колониальному влиянию;
- 2) революционный процесс длился достаточно долго, чтобы проследить социальную трансформацию, начиная с ослабления старого режима и заканчивая формированием новых государственных структур.

Далее Скокпол называет еще несколько условий, которые позволили отнести французскую, русскую и китайскую революции к одной группе:

- 1) все три революции произошли в богатых аграрных странах, имеющих политические амбиции;

2) государства, в которых произошли эти революции, были прото-бюрократическими автократиями, которые вступили в конкуренцию с более сильными в экономическом и политическом отношении странами;

3) во всех трех случаях кризис в международных отношениях сочетался с внутренними структурными противоречиями, что проявлялось:

а) в слабости системы управления старого режима;

б) в распространении протестных акций среди низших классов;

в) в попытках политических лидеров посредством массовой мобилизации установить революционную власть;

4) исходом всех трех случаев было создание централизованных, бюрократических государств, получивших возможность стать супердержавами;

5) были устранены препятствия и созданы новые условия для дальнейшего социального развития посредством централизации и более активного вовлечения населения в экономическую и политическую жизнь [12, p. 41].

Помимо поиска общих характеристик, Скокпол останавливается также на специфических сторонах рассматриваемого процесса для определения возможных отклонений в последовательности событий и их причинности.

Структуралистский подход

Скокпол представляется не вполне корректной высказываемая во многих исследованиях гипотеза, согласно которой революционный процесс является движением, имеющим цель. Автор полагает, что необходимо обращать внимание не столько на цель революции в ее развернутой фазе, сколько на причины, которые стали основанием сплочения революционных лидеров и их последователей в стремлении бороться против режима. Иными словами, она выводит исследовательский поиск на проблематику структурных противоречий общества. Проанализировав работы своих предшественников, Скокпол приходит к заключению, что ни одна концепция полностью не раскрывает механизмов возникновения явных конфликтов в социальной организации.

Говоря об обнаруженных заблуждениях, автор формулирует тезис о том, что социальный порядок держится на консенсусе большинства, а следовательно, ни один режим не может существовать, когда большинство не удовлетворено существующим положением вещей. Далее, говоря о предзаданности целей революций, она аргументированно показывает, что ни одна успешная революция не была «сделана» через сознательное формирование массового недовольства и мобилизации. Напротив, ход революционного процесса зависит от того, в каких условиях сформировалась революционная ситуация, каким было военно-политическое состояние страны и какие классы набирали силу в данный момент. Во время революции различные социальные группы включаются в сложную сеть конфликтов, которые провоцируются или ограничиваются со-

циально-экономическими условиями и международным контекстом. Ни один из коллективных участников революции не может прогнозировать конечные результаты этого процесса, целиком направлять его и полностью удовлетворять свои интересы.

В качестве базовых принципов структуралистского подхода Скокпол называет необходимость, во-первых, определять причину возникновения, а не «создания» революционной ситуации внутри старого режима и, во-вторых, учитывать всю сложность действий и взаимодействий между различными социальными группами, а также вызвавшие их объективные условия, давшие толчок развитию революционного процесса [12, p. 18].

В целом же структуралистской перспективой на историческую действительность Скокпол называет безличностную и несубъективную позицию, при которой рассматриваются образцы взаимодействия различных социальных групп и целых обществ [12, p. 18].

Международный и всемирно-исторический контекст

Изучение международного и всемирно-исторического контекста является частным случаем проявления структуралистской перспективы. Здесь обращается особое внимание на структурные взаимосвязи между различными государствами, т. е. затрагивается макроуровень социальных отношений. Скокпол настаивает на том, что международные отношения оказывают значительное влияние на возникновение социальных кризисов и революционных движений, что все причины, результаты и последствия современных социальных революций должны быть рассмотрены в контексте неравномерного распространения капиталистической экономики и образования национальных государств.

Скокпол указывает, что в изучении влияния модернизации на формирование революционного процесса акцент делается на возникновение экономических кризисов внутри национальных государств. Экономическое развитие, понимаемое либо как совершенствование технологий и следующее отсюда разделение труда, либо как аккумуляция капитала и рост буржуазии, рассматривается как катализатор последующих изменений и в других сферах социальной жизни. Таким образом, само употребление понятия модернизации в анализе революций заставляет видеть в революционном процессе цели и закономерности прогрессивного развития обществ. Скокпол не отрицает в своей работе ни того, что быстрые и значительные экономические изменения дестабилизируют социальную систему и приводят к росту массовых недовольств и политических волнений, ни того, что развитие нового способа производства ведет к росту нового класса, заинтересованного в утверждении себя через революцию. И все же она в своей работе стремится уйти как от структурно-функционалистского эволюционизма, так и от однолинейности марксизма. Модернизация, с течением времени охватившая большинство европейских стран, проявляла себя

по-разному в разных обществах, а если говорить о неевропейских странах, то там ее влияние имело вообще особый характер. Помимо непосредственного экономического развития при изучении революций следует брать в расчет и существующие классовые и политические структуры, которые определяют общие и специфические характеристики трансформационных процессов в разных обществах.

Помимо модернизационных международных процессов, включенности государств в сеть всемирных экономических отношений, Скокпол указывает на необходимость учитывать место государства в конкурентной борьбе на международной арене. На примере европейских стран автор показывает, как успешное экономическое положение одних стран становится катализатором изменений в других странах, подталкивает глав государств к проведению централизации и технологическому переоснащению армий, к попыткам бюрократического влияния на интенсификацию экономического развития, а также к совершенствованию финансового администрирования. Такая конкурентная борьба оказывает влияние не только на ситуацию внутри стран, но и становится двигателем распространения «цивилизации» по всему миру [12, р. 21]. Частным примером такой экспансии служит колониальная политика.

Функционирование системы международных отношений изучали многие исследователи, однако Скокпол упрекает их в излишнем экономическом детерминизме. Автор полагает, что помимо чисто экономических факторов следует учитывать стремление национальных государств контролировать собственную территорию и население, их активное или пассивное участие в военном соперничестве с другими государствами, способность к эффективно-му управлению и массовой политической мобилизации, а также стремление и возможности осуществлять экономическое обновление внутри страны. На протяжении Нового времени формировалась особая международная система, в которой государственные структуры и их развитие были теснейшим образом связаны с капитализмом, однако, настаивает автор, не сводились исключительно к нему.

Таким образом, помимо внутренних структур и процессов изучаемого общества стоит принимать во внимание переменные, характеризующие внешний контекст его существования: структуру всемирной капиталистической экономики и место в ней данного общества, исторические изменения и появление новых моделей политического действия, которые могут заимствоваться революционными лидерами.

На формирование революционных процессов внутри страны могут оказывать влияние следующие факторы:

1) неравные отношения или соперничество с другими государствами, провоцирующие встряску внутриполитической ситуации и классовой структуры;

2) слабость на международной арене, в том числе отставание в военном отношении или внешнюю политическую зависимость;

3) экономическое отставание от других стран, которое может приводить к поражению в войне или угрозе внешнего вторжения, поражению в борьбе за контроль над колониями.

Эти факторы оказывают влияние и на авторитет властей, и на способность последних контролировать ситуацию внутри страны, что порождает социальные конфликты и структурные изменения в обществе.

При этом, по мнению Скокпол, не стоит полагать, что международные отношения оказывают прямое влияние на население и на ситуацию внутри страны, поскольку влияние внешних факторов на внутреннюю политику опосредуется государственными руководителями. И чтобы понять, насколько модернизация является причиной и катализатором революции, нужно прежде всего обращать внимание на позицию руководства страны (как старого, так и революционного) в международных вопросах.

Относительная автономия государства

В отличие от большинства исследователей революции, Скокпол предлагает рассматривать государство не как арену политической борьбы различных социальных групп, имеющих свои интересы, а как потенциально автономную структуру. Государство понимается ею как совокупность административных, контролирующих и военных организаций, возглавляемых или, по крайней мере, координируемых исполнительной властью [12, р. 29], как самостоятельная организация, осуществляющая контроль над территорией и людьми. Автономия государства достигается посредством изъятия ресурсов у населения и использования их для создания и поддержания репрессивных и административных организаций. Эти организации формируются и функционируют в условиях предзаданных классовых и хозяйственных отношений, а также внешних экономических тенденций. Репрессивные и административные организации являются только частью политической системы, в которую могут входить и другие институты, опосредующие возможность участия населения, отдельных социальных групп и индивидов в политическом процессе. С подобными ограничениями сталкивается и само государство. Скокпол указывает на особое значение для функционирования государства определенной геополитической среды, существующей внутри страны экономики и классовой структуры.

Важное место при рассмотрении государства занимает его взаимосвязь с доминирующим классом. В отличие от других теоретиков, Скокпол полагает, что государство не всегда выражает его интересы, а в ряде случаев, напротив, использует его ресурсы и ресурсы всего общества для достижения собственных целей, что в свою очередь приводит к конфликтам. К числу непосредствен-

ных задач государства Скокпол относит прежде всего поддержание внутреннего порядка и реальное или возможное соперничество с другими странами. Включенность государства в сеть международных отношений делает его относительно автономным в выстраивании своих отношений и с доминирующим классом, и с обществом в целом, но одновременно ставит его в зависимость от международного контекста. Например, внешние военные кампании способствуют оттоку ресурсов из экономики внутри страны и тем самым подрывают позиции доминирующего класса; государство может проводить социально-экономические реформы под внешним давлением.

Избежать влияния отдельных сильноресурсных групп государственные лидеры в состоянии даже тогда, когда они проводят политику, удовлетворяющую базовый интерес доминирующего класса в целом – ради сохранения классовой структуры и существующего способа производства. И государство, и доминирующий класс заинтересованы в подчинении низших классов и удержании их представителей на рабочих местах, а также в структуре экономической организации труда.

Несмотря на приверженность Скокпол социально-структуралистской парадигме в изучении революций, она указывает, что при объяснении некоторых конкретных революций требуется применять такой подход, который бы в большей мере учитывал роль государства. По ее мнению, политические кризисы, которые становились толчком революционных процессов, были не следствием социальной напряженности или классовых противоречий, а выплеском противоречий, коренящихся в структурах старого режима. Таким образом, изменения в экономической и политической жизни страны, которые происходят после революции, являются продолжением не столько структурных изменений в обществе, сколько функциональных изменений в системе государственной власти.

Говоря о потере государственной властью легитимности, Скокпол подчеркивает, что этот факт является не причиной революционных взрывов, а индикатором того, что государство перестало справляться со стоящими перед ним и вновь возникающими задачами. Однако даже при потере легитимности государство может продолжать существовать и оставаться стабильным, если его репрессивные организации эффективно функционируют, что говорит в пользу тезиса о независимости государства². Утрата же легитимности государства в глазах представителей репрессивных организаций – надежный предвестник падения государства.

Подводя итог теоретическим основаниям своего исследования, Скокпол намечает план плодотворного исследования революций:

- 1) структура репрессивных и административных организаций;

² Приводя этот аргумент, Скокпол ссылается на Кэтрин Чорлей [4] и Дайану Рассел [11].

- 2) их место в целостной структуре государственного аппарата;
- 3) их взаимодействие с социальными классами;
- 4) их взаимосвязь с политически активными социальными группами;
- 5) функционирование различных социальных групп;
- 6) точки пересечения международного контекста с классово структурированной экономикой и политическими интересами разных групп.

Последняя переменная является очагом политических противоречий, из которых впоследствии берет начало революционный процесс.

Причины социальной революции

Выводы о причинах революции следуют из структуралистского методологического подхода. Скокпол в поисках причин обращается к рассмотрению внутренних структур революционного общества и внешних структур международных отношений. Однако автор сама указывает, что революционный процесс – следствие одновременного возникновения комплекса противоречий как во внешних, так и во внутренних структурах. Эти противоречия часто имеют взаимообуславливающий характер. В частности, базовой причиной возникновения революционной ситуации во Франции в конце XVIII в., в России в начале XX в. и в Китае в середине XX в. она называет неспособность старого режима ответить на вызов меняющейся международной ситуации. В свою очередь эта макропричина является производной от комплекса более мелких факторов, которые можно выявить, ответив на такие вопросы, как «Почему государство старого режима оказалось неспособным противостоять внешнему давлению?» и «Почему обострилось внешнее давление на государство?». Эти вопросы как раз отсылают нас к проблеме поиска противоречий во внутренних структурах и в международном контексте.

Внутренние противоречия Скокпол пытается выявить из анализа двух кластеров структурных взаимодействий: взаимодействий государственных организаций и высшего класса землевладельцев, с одной стороны, и государственных организаций и другими субъектами аграрной экономики – с другой.

Сравнивая структурную организацию трех предреволюционных обществ, Скокпол выделяет одну общую особенность, определяющую целый комплекс характерных для них признаков, – все три были имперскими государствами, стремящимися главным образом поддерживать порядок внутри страны и бороться с внешними врагами. Эти государства отличала централизованная административная и военная иерархия в условиях абсолютной монархии. Однако сила влияния государства на общество в то время была гораздо слабее, чем в современных бюрократиях. Имперские государства не могли полностью контролировать аграрные социально-экономические отношения, а имели возможность их только корректировать. Они были ограничены также в исполнении

присущих им функций: в финансировании войн за рубежом, в возможности контролировать общество для поддержания порядка, в присвоении ресурсов посредством военного набора, налогов на землю, торговлю и т. д.

Все три государства – преимущественно аграрные, основными субъектами экономических отношений в них выступали крестьянские семьи и землевладельцы, причем доминировали последние. И несмотря на то что рыночные отношения были достаточно развиты, а в городах и отдельных регионах страны значительную роль играли рабочие, предприниматели и промышленники, сельское хозяйство по-прежнему оставалось экономически более значимым, чем коммерция и индустрия. Торговые и промышленные элиты либо относились к высшему классу землевладельцев, либо же зависели от государства. Таким образом, возникавшая политическая напряженность проистекала не из разногласий торговых и промышленных элит с классом землевладельцев, а из противоречий между производящим классом, доминирующим классом и государством, с одной стороны, и между классом землевладельцев и государством, с другой стороны [12, р. 48].

В качестве очевидного факта Скокпол указывает на то, что класс землевладельцев и имперское государство выступают партнерами по контролю и эксплуатации крестьянства. Землевладельцы в случае крестьянских бунтов ищут у государства защиты их статуса и привилегий. Несмотря на это, они выступают также и конкурентами за контроль над человеческими ресурсами и излишками аграрного производства. Конфликт в данном случае является следствием того, что государство направляет материальные средства на цели, которые землевладельцам представляются излишними, нерациональными и ущемляющими их базовые интересы: например, увеличение затрат на военные нужды или на вмешательство государства в экономическую жизнь общества с целью ее централизации. Иными словами, государство и землевладельцы по-разному расставляют приоритеты в использовании излишков: если первые ориентированы на использование ресурсов для поддержания международного статуса и централизации государственной власти, то вторые – прежде всего на усиление социально-экономического положения внутри страны.

В данном случае Скокпол указывает на точки потенциального возникновения политической напряженности. Однако то, каким образом и в какой форме будет проистекать политический конфликт, становится более ясным при анализе комплекса исторических условий и институциональной организации автократических имперских государств. Все три рассматриваемые государства не были похожи ни на парламентские, ни на полностью бюрократические. Представители доминирующего класса так или иначе имели доступ к государственным структурам и могли обеспечивать себя определенными привилегиями, но сильного влияния на государственном уровне не имели. Встав же перед серьезной проблемой, этот класс может превратиться в такую органи-

зацию, которая в состоянии будет противостоять государству в ущемлении собственных интересов. В качестве подобной проблемы чаще всего выступает международное соперничество, по причине которого происходит значительный отток ресурсов из внутренней экономики, а также требуется значительное ускорение темпов развития многих отраслей народного хозяйства в стране. И, как уже отмечалось, возникновение революционной ситуации зависит от того, в состоянии ли будет власть мобилизовать для этого значительный объем материальных и социальных ресурсов. Франции, России и Китаю этого сделать не удалось, однако Пруссия и Япония в XIX в. смогли организовать подобную мобилизацию посредством использования такого аргумента, как обращение к традиции. В последнем случае государственная власть не встречала сопротивления ни со стороны аграрной экономики (как в случае с Россией [12, р. 81–99]), ни со стороны класса землевладельцев, обладающих политической властью и возможностью блокировать государственные инициативы (как в случае с Францией [12, р. 51–67] и Китаем [12, р. 67–81]).

Второй кластер в структуре социального взаимодействия – это отношения государства, доминирующего класса и крестьянства. Вопреки тенденции, имеющей место в работах других исследователей, большее внимание уделять роли рабочих в революционном процессе, Скокпол обращается к изучению места и значения крестьян в процессе возникновения социально-политической напряженности. Автор утверждает, что роль крестьянских бунтов во многом была решающей в критические моменты революционного процесса. Значимость крестьянства объясняется через функционирование экономических структур аграрных стран, где оно выступает основным производящим классом. Без крестьянских бунтов ни одна революция не была бы успешной. Для обоснования этого тезиса приводится сравнительный анализ «положительных случаев» (Франция, Россия, Китай) и отрицательных (Англия, 1640–1689 гг., Германия, 1848–1850 гг.). Несмотря на значительный всплеск волнений в городах Англии и Германии, социальная революция не состоялась ввиду недостаточно выраженной борьбы крестьян с землевладельцами.

Характерные черты участия крестьян в успешных революциях в рассматриваемых странах – широкий охват протестных волн и непосредственная борьба с землевладельцами. Пытаясь ответить на вопрос, почему крестьянство, в целом склонное к бунтам, в большинстве случаев не доходило до революционного предела в выражении своих настроений, а в некоторых случаях становилось активным действующим лицом революций, Скокпол указывает на то, что радикализации крестьянских настроений в большей степени способствует исчезновение границ между крестьянскими локальными общинами. Прежнее замкнутое положение не позволяло крестьянам делиться своим недовольством с другими крестьянскими сообществами и тем самым обнаруживать сходство интересов, что впоследствии порождает солидарность. Но исчезновение

границ между крестьянскими общинами – это не прямая причина, а скорее производная от структурных смещений, происходящих в обществе. Базовой причиной исчезновения подобных границ, а также прямой конфронтации крестьянства и землевладельцев является ослабление социального контроля над производящим классом, что в свою очередь коренится в комплексе других структурных противоречий, некоторые из них были рассмотрены ранее.

Распространение крестьянских бунтов служит не только индикатором возникших структурных противоречий в обществе, но и катализатором еще большего ослабления экономического и политического порядка в стране, что в свою очередь приводит к падению государственного режима. Помимо прочего эти бунты способствуют выдвижению новых политических элит на лидирующие позиции, отвлекая значительный объем средств социального контроля и внимания его агентов на себя.

Рассмотрев концепции, объясняющие причины бунтарских настроений крестьянства, Скокпол из трех основных гипотез полностью не приняла ни одну: ни идеологическую мобилизацию, ни чрезмерную эксплуатацию, ни относительную депривацию. Она отрицает решающее влияние идеологической составляющей на формирование протестных настроений крестьянства, так как бунты в большинстве случаев направляли реальные и прагматические цели: получить больше земли, избавиться от больших поборов и контроля государственных представителей. Также она отрицает в качестве причины восстаний сильную эксплуатацию, поскольку крестьянство, находясь в маргинализованном положении, было вынуждено всегда терпеть и высокие налоги, и барщину, и другие виды поборов. А относительная депривация кажется автору слушком психологизированной и практически неverified переменной. Чтобы установить наличие относительной депривации в революционных обществах, нужно непосредственно во время революционного взрыва опросить репрезентативное число крестьян. Однако проделать такую процедуру практически невозможно, кроме того, она неприменима к уже произошедшим революциям.

Вслед за Эриком Вулфом Скокпол полагает, что объяснение причин солидаризации крестьянства и оформления их недовольства в реальные акты протеста нужно искать в том, какое место занимает крестьянство в структуре окружающих их властных отношений [14, р. 290]. Способность крестьянства к организованному коллективному действию, по мнению Скокпол, определяется тремя структурными условиями:

- а) уровнем и качеством солидарности представителей этого класса;
- б) степенью их автономии от повседневного надзора и контроля со стороны землевладельцев;
- в) ослаблением репрессивных санкций со стороны государства в ответ на крестьянские бунты [12, р. 115].

Применение структуралистского подхода для анализа сети и характера взаимодействия различных социальных субъектов в сельской местности, согласно Скокпол, не должно быть независимо от исторически сложившегося целостного институционального контекста. Особое внимание следует обращать на два типа социальных взаимосвязей, которые автор выделила из марксистского подхода к изучению производительных сил и производственных отношений:

1) отношения между представителями производящих групп, а также их отношение к средствам производства и к земле в повседневных трудовых практиках;

2) отношения, в которых часть произведенного продукта изымается у его непосредственных производителей и присваивается непроизводителями.

При этом не стоит оставлять в стороне и то, каким образом аграрные порядки отдельного общества встраиваются в государственные политические структуры и как осуществляется взаимодействие местных и государственных властей. На возможность возникновения и силу крестьянских волнений опосредованное влияние оказывает и международный контекст. В целом конкуренция страны с другими государствами и модернизационные вызовы особенно опасны, когда ослабевает репрессивная способность и потенциал централизации и целостности.

* * *

Итак, Скокпол обосновывает и раскрывает два принципиальных тезиса: 1) теория классового конфликта не в состоянии полностью объяснить социально-политические изменения в государстве и обществе; 2) государственная власть не является исключительно инструментом доминирующего класса в достижении его интересов; государство имеет собственные интересы и выступает относительно автономной стороной в ключевых общественных противоречиях.

Возникновение революционной ситуации, логика развития революционного процесса и формирование нового политического режима, по ее мнению, зависят от характеристик государственных структур, от характера взаимодействия репрессивных и административных государственных структур с основными социальными классами внутри страны, с внутренними политическими силами и с другими государствами. Революции также не были следствием преднамеренных действий ни революционеров, ни политически влиятельных групп, а возникали вследствие давления на государства комплекса причин, а именно военного международного соперничества, внешнего вторжения, ограничения области действий центральных властей структурами аграрных отношений и политическими институтами. С ослаблением государства в социально-политической жизни всплывают прежде замалчиваемые противоречия и классовые конфликты. Возникает ситуация так называемого междувластия, когда старый

режим уже разрушен, а новый еще не создан. На этом этапе большое значение приобретают протестные движения среди крестьянства, которые окончательно подрывают основы старого режима через перераспределение собственности и девальвацию статуса прежнего доминирующего класса. Если на этапе междувластия происходит подобная трансформация классовых структур, возникает тенденция к формированию нового режима. Возникающее новое государство становится более независимым от общества, более централизованным и бюрократическим, способным удержать свои позиции в условиях международной конкуренции и подавить внутренних «врагов». Помимо этого государство получает возможность использовать собственную власть для интенсификации экономического развития страны, вовлекая в производственный процесс более широкие слои населения и требуя от них большего объема трудозатрат.

Говоря о выводах и наблюдениях, сделанных в рамках проведенного исследования, Скокпол указывает на то, что их невозможно автоматически переносить на анализ других случаев. Каждая революция возникает в конкретных исторически сформированных социальных структурах и в определенном международном контексте.

Библиографический список

1. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют? СПб.: Питер, 2005.
2. *Эдвардс Л.* Естественная история революции / Пер. с англ. О.С. Грязновой // Социологический журнал. 2005. №1.
3. *Brinton С.* The Anatomy of Revolution. N.Y.: Vintage Books, 1965.
4. *Chorley K.* Armies and the Art of Revolution. Boston: Beacon Press, 1973.
5. *Dunn J.* Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
6. *Eckstein H.* Internal War: Problems and Approaches. N.Y.: Free Press, 1964.
7. *Edwards L.P.* The Natural History of Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
8. *Johnson Ch.A.* Revolutionary Change. Stanford: Stanford University Press, 1982.
9. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press, 1993.
10. *Pettee G.S.* The Process of Revolution. N.Y.: Harper, 1938.
11. *Russel D.* Rebellion, Revolution and Armed Force: a Comparative Study of the Fifteen Countries with Special Emphasize on Cuba and South Africa. N.Y.: Academic Press, 1974.
12. *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1979.
13. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Reading: Addison-Wesley, 1978.
14. *Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper & Row, 1969.